

Лань Сяочуань поднатужился и перетащил Чао Чимина в сторону. Он бросил взгляд на развалившуюся кровать — судя по всему, придется покупать новую. Лань Сяочуань немного растерялся: в его кошельке было совсем пусто, не попросить ли у господина займа немного денег?

Он мысленно прикинул: до выдачи следующего жалованья оставалось еще больше полмесяца, и ждать было слишком долго.

Лань Сяочуань чувствовал себя некомфортно из-за того, что весь липкий пот и грязь покрывали тело, поэтому он сам вскипятил немного горячей воды и перенес Чао Чимина и себя в не такую уж большую деревянную бадью.

Сегодня он устал просто до предела, поэтому, когда затаскивал мужчину в бадью, случайно ударил Чао Чимина поясницей о край бортика. Раздался глухой стук, и на коже тут же расплылся огромный синяк. Лань Сяочуань почувствовал себя невероятно виноватым и, глядя на это темное пятно, не удержался — начал легонько массировать ушибленное место.

Он кое-как обмыл их обоих.

Просто кошмар: почему это после всех перенесенных им мучений ему же приходится заниматься мытьем императора? Особенно тяжело было мыть ту самую штуку, которая только что демонстрировала ему такую грозную силу. Глаза Лань Сяочуаня бегали от стыда, он даже не смел туда смотреть.

Спустя долгое время он переодел Чао Чимина в серый походный костюм и, подхватив на руки, потащил в уединенную усадьбу. Чао Чимин так и не приходил в сознание, и Лань Сяочуань тревожился: не отравился ли тот или не отключился ли от удара головой? По дороге он время от времени проверял у него дыхание, смертельно боясь, что Чао Чимин вдруг возьмет да и отдаст концы.

Усадьба, куда он направлялся, находилась не так уж далеко — всего в двух кварталах от его собственного дома. На ее воротах красовалась табличка с надписью: Усадьба Оуян.

Территория Усадьбы Оуян была огромной, вокруг пестрели цветы и пели птицы. Хозяин усадьбы выращивал тысячу кустов портулака; эти цветы отличались яркими расцветками и даже зимой продолжали цвести пышным цветом, привнося в холодную пору неиссякаемую жизненную силу.

Оуян Ханьюн был потомственным целителем, и многие желавшие попасть к нему на прием даже не могли его отыскать. Лань Сяочуань и Оуян Ханьюн были в неплохих отношениях, их можно было назвать полупочтительными друзьями. До того как стать теньвым стражем, он...

— Помоги разобраться, что с ним? — встревоженно спросил Лань Сяочуань.

— Он отравлен. Похоже, яд гу вызывает у человека приступы ярости и пробуждает плотские желания. Судя по всему, он только что облегчил состояние. Ты ведь помог ему освободиться от этого? — Оуян Ханьюн в упор уставился на Лань Сяочуаня, и в его взгляде читалось сплошное подозрение.

Лань Сяочуань на мгновение умолк. Верно, только что Император действительно едва ли соображал, что творит, иначе с чего бы ему овладевать им? От этой мысли стало еще обиднее: он, конечно, теневой страж и обязан защищать Императора, но... но не ценой же собственной жизни! Что, если Император передумает и решит его убить? Что тогда делать?

Чао Чимин — человек вовсе не мягкосердечный, за эти восемь лет борьбы за трон он устранил немало противников. Узнай тот о случившемся, его голова наверняка сразу же полетит с плеч.

Лань Сяочуань принес Чао Чимина к Оуян Ханьюну и попросил целителя осмотреть его.

Оуян Ханьюн взглянул на лицо мужчины. Даже во сне, с закрытыми глазами, этот человек выглядел невероятно суровым, с ним явно было нелегко иметь дело.

— Неужели ты думаешь, что сможешь обмануть целителя? — с раздражением произнес Оуян Ханьюн. — Этот яд гу обладает на редкость сильным действием, так что в будущем твое личное счастье скудным не будет. — С этими словами он бросил на Лань Сяочуаня жалостливый взгляд. — Если заразился такой пагубной заразой, то без противоядия избавиться от ее действия можно только через близость, иначе человек потеряет рассудок.

— Постой! Ко-конечно же нет! — Лань Сяочуань мгновенно ошетинился. Он вообще-то мужчина, с какой стати ему помогать кому-то избавляться от такого! Он еще женится в будущем, заведет детей. Ему очень нравятся малыши, и он хочет, чтобы вторая половинка родила ему парочку милых детишек. Процесс воспитания наверняка окажется потрясающим, и он обязательно станет хорошим отцом, который сумеет правильно наставить детей и всегда будет рядом с ними.

— Но ты же не хочешь, чтобы он умер или сошел с ума? — Оуян Ханьюн видел, что Лань Сяочуань ужасно переживает за этого человека, да и тот действительно был хорош собой: соболиные брови, звезды в глазах и выразительные, резко очерченные черты лица выдавали необычайную красоту.

— Но... но я же не его жена! — тут же возразил Лань Сяочуань. Их отношения в лучшем случае сводятся к связи господина и подчиненного, и даже если бы он сам согласился, Император бы ни за что не захотел! Стоп, стоп, о чем это он, с чего бы ему соглашаться? Он ни за что на свете не согласился бы! Лань Сяочуань мысленно бросил своего внутреннего человечка лицом в грязь.

— Уже и о роли жены задумался, как быстро?

— Ничего подобного я не думал! — Лань Сяочуань не смог переспорить Оуян Ханьюна и немного сник. Его лицо то ли от злости, то ли от стыда залилось ярким румянцем, став похожим на спелую красную хурму.

— Хватит упорствовать, упрямец. По его пульсу сразу видно, что все произошло только что. Яд гу, который попал в его организм, отнюдь не прост. Хотя я и не знаю, что это за тварь, но, если я не ошибаюсь, унять эту муку способна лишь страсть.

— Но я все три года нахожусь рядом с ним и никогда не видел, чтобы он занимался подобным.

Лань Сяочуань сопровождал Чао Чимина уже три года и ни разу не замечал, чтобы император оставлял кого-то на ночь у себя во дворецких покоях, и уж тем более до него не доходили слухи, будто кто-то удостоивался императорской милости. Если уж на то пошло, единственным человеком был он сам.

— Ну надо же, какой он у тебя невинный — держит рядом писаную красавицу и не трогает, — продолжал подкалывать Оуян Ханьюн.

— Этот его яд — штука серьезная, терпеть до сих пор — уже само по себе подвиг.

— А почему он тогда до сих пор не проснулся?

— Хм, должно быть, приложился головой. Скоро очнется. Как будете играть свадьбу — не забудь позвать меня.

— Ой... он же мой господин, узнай он об этом, он меня непременно убьет! — Лань Сяочуань тут же скривился, словно объелся кислых овощей. Стоило ему вспомнить о том, что император жаждет его смерти, как на душе становилось тошно.

Оуян Ханьюн поставил Чао Чимину иглы, чтобы временно подавить гнездящихся в его теле насекомых-гу, а заодно сунул Лань Сяочуаню баночку целебной мази.

— Сам мажь своего мужчину, — бросил он с таким брезгливым видом, будто собирался выставить Лань Сяочуаня за дверь.

Глядя на мирно спящего в гостевой комнате Чао Чимина, Лань Сяочуань с опаской смазал ему мазью ушибленную голову, а затем взвалил мужчину на спину, намереваясь вернуться во дворец.

Перед уходом Оуян Ханьюн швырнул Лань Сяочуаню еще один флакон.

— Что это? — Лань Сяочуань удивленно посмотрел на целителя круглыми глазами из-под

длинных пушистых ресниц и одной рукой поймал пузырек.

— Тебе пригодится. Там ведь наверняка болит, а если намазать изнутри, быстрее заживет, — пояснил Оуян Ханьюн.

Лицо Лань Сяочуаня вспыхнуло чистым, хрустальным румянцем.

— Да к-кто вообще нуждается в этой вещи?! — Тем не менее, чувствуя себя виноватым, он все же спрятал флакон.

Он вынес Чао Чимина на спине, и по дороге ему вдруг показалось, что кто-то сзади цепко схватил его за шею. Лань Сяочуань испуганно замер.

— Господин? — находясь вне дворца, он не смел называть Чао Чимина по имени.

<http://bllate.org/book/21016/2136516>